

«Бродский знал, что уезжает навсегда»

Томас Венцлова о литовском языке, Пастернаке, Нобелевской премии и последнем разговоре с великим поэтом

Пётр КАБАНОВ

Екатеринбург посетил литовский поэт, переводчик, литературовед **Томас Венцлова**. Не секрет, что для многих Томас известен в первую очередь как близкий друг одного из самых выдающихся поэтов XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе **Иосифа Бродского**. В столице Урала Томас Венцлова встретился с читателями и презентовал свою недавнюю книгу — «Метелина: Стихотворения и не только».

— В Екатеринбурге я второй раз. Последний мой приезд был два-три года назад, по личным делам, — вспоминает Томас. — В этот раз меня попросила провести встречу мой переводчик — **Анна Герасимова**, она же Умка. А вообще я много путешествовал, стараюсь увидеть как можно больше. У вас в городе посмотрел очень много. Понравился мне Краеведческий музей. Штирский идол — замечательная вещь.

— Если говорить про встречу, то вы читали много стихов. В том числе политиков. Зачем, ведь в зале никто не говорил на нём?
— Чтобы дать ощущение языка. Это очень важно, ведь литовский весьма своеобразен. Я всегда говорю, что серьёзный европейский лингвист обязан знать шесть классических индоевропейских языков. Один из них — литовский. Он — единственный среди них живой и даже развивается. Литовское стихосложение мало отличается от русского — те же ямбы, те же анапесты.

— Как у вас с языками?
— Я прожил 40 лет в США. Но я как черепаха построил

себе панцирь из русского языка. Дома с женой говорю по-русски, она у меня родом из Питера, с друзьями-славистами тоже и даже со студентами. Я много лет преподавал в Йельском университете. Там курсы по немецкой литературе читают, естественно, по-немецки, по французской — на французском. Про русскую литературу такого правила не было, но это и не запрещено, и я настоял на русском курсе. Говорю своим студентам: «Если вы понимаете стихотворение **Бориса Пастернака** «Сестра моя жизнь», то мою лекцию освоите и подавно». Для меня английский — это работа. Я до сих пор его по-настоящему не выучил. Знаю, конечно, литовский, свободно говорю на польском.

— Кстати, о Пастернаке. Вы однажды были у него дома. Так?
— В Вильнюсе было четыре человека, которые любили читать Пастернака. В конце 50-х мы решили письменно поздравить его с выдвижением на Нобелевскую премию. И почему-то бы уверены, что он её получит. Через несколько знакомых Борис Леонидович это письмо вручил. Когда ему уже премию присудили и началась ужасная травля, то я решил поехать к нему в гости. **Наталья Трауберг** (переводчик. — Прим. «ОГ»), близкая знавшая Пастернака, повезла меня в Переделькино. Пастернак спешил в театр и уделить нам минут, наверное, сорок. Наталья тогда сказала, что я пробую переводить его стихи, и я про него **Борис Леонидович категорично ответил: «Ни в коем случае. Мои стихи манерны, претенциозны и нигде не годятся. Единственное, что я написал стоящее — это роман». Кстати, Пастернак никогда не говорил**

Томас Венцлова (слева) и Иосиф Бродский в день перед отъездом поэта из страны. 3 июня 1972 года, Ленинград

«Доктор Живаго». Он всегда говорил слово «роман».

— Томас, страшно представить, сколько раз вам задавали вопрос, как вы познакомились с Бродским.
— Знать количество раз. Не считал, конечно, но очень часто. Но я легко об этом говорю, потому что это было конкретное время и конкретное место. В 1966 году его друг — переводчик **Андрей Сергеев** — зная, что Иосифу в Питере трудно (по разным причинам), предложил ему поехать в Вильнюс отдохнуть и пообщаться с интересными людьми. Бродский приехал и стал жить у моего друга **Раунаса Катилоса**. Через несколько дней прибыл я, был представлен Бродскому, и с тех пор мы

стали часто общаться. Дружили 30 лет.

— В одном из интервью о моменте вашего знакомства вы сказали: «Бродский — человек с божьей искрой». Однажды я брал интервью у близкого друга Бродского — **Евгения Рейна**. Он тогда о своём знакомстве говорил не так возвышенно, а именно: «**Кто мне вышел худой, рыжеватый, застенчивый парень. Вы сразу видели в нём, если так можно сказать, гения?**»
— Дело в том, что я читал его стихи до того, как познакомился с ним. Я понимал, что он гениальный поэт, но в момент первой встречи впечатление гения, как вы говорите, он не произвёл. Бродский показался мне человеком сложным, ра-

На вручении Нобелевской премии Иосифу Бродскому. Томас Венцлова в нижнем ряду, слева. Стокгольм, 1987 год

нимым, в некоторые моменты резким. Умным, конечно, но не гением точно. Когда мы пообщались около года, то образ поэта и человека объединились в одно, и тогда я точно понял: Бродский — гений.

— В недавней книге **Эллендеи Проффер** «Бродский среди нас» довольно подробно описывается его отъезд из СССР. Там есть мысль, что Бродский не думал, что он уезжает навсегда. Он вам что-то говорил про это?
— Я знаю Эллендею. Действительно, там описаны какие-то конкретные разговоры и истории. Книга в общем получилась хорошая. Но в упомянутой вами мысли я не уверен. Мне кажется, что Бродский всё-таки знал, что уезжает навсегда, и очень волновался по этому поводу. Он тогда сказал мне: «На Западе, может, напишу «Божественную комедию», но поскольку я еврей и пишу справа налево, то начну раем, а кончу адом». Что тут скажешь. Поэт всегда немного в аду, конечно, но на Западе Бродский сильных трудностей не испытал. Он женился, завел ребёнка, добился мировой славы.

— Вы также были приглашены Бродским на вручение Нобелевской премии.
— Лауреат имеет право за счёт шведского правительства пригласить 12 человек. Я был одним из них. Была ещё упомянутая выше Эллендеи Проффер, **Лев Лосев**. Остальных уже не вспомню. Это был единственный раз, когда я носил фрак. Не смеётся, это очень трудно.

— Помните последний разговор с Бродским?
— Разговаривали по телефону за пару дней до его смерти. Я тогда писал статью об **Илье Эренбурге** для американской газеты. Мы говорили с Бродским об Эренбурге, почему он вернулся в Союз, зачем служил **Сталину**. **Иосиф сказал: «Он мог остаться и мог даже стать французским писателем. Что, антр ну (между нами), не так уж и трудно». И засмеялся в трубку. Потом сказал, что дарит мне эту статью, которую я, кстати, включил в свою статью, но редакция вычеркнула. Это был наш последний разговор.** На совершенно обыкновенную литературную тему...

ДОСЬЕ «ОГ»

● Томас Венцлова родился 11 сентября 1937 года в городе Клайпеда (Литва) в семье известного литовского поэта и переводчика **Антанаса Венцловы**.

● В 1960 году окончил Вильнюсский университет (специальность литовский язык и литература).
● С 1969 по 1972 года жил в Ленинграде. Дружил с Иосифом Бродским и его окружением.

● В 1972 году вышла первая книга стихов «Знак речи».

● В 1977 году выехал из Советского Союза.

● 1980 году переехал в город Нью-Хейвен (США), где до сих пор живёт и преподаёт русскую поэзию в Йельском университете.
● В 2014 году в Мюнхене получил престижную поэтическую премию Петrarки

Музей истории Екатеринбурга издаст книгу о жертвах Большого террора

В Музее истории Екатеринбурга с помощью краудфандинга планируют выпустить книгу «Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга». В издании войдёт 100 интервью с близкими уральцев, репрессированных в 1937–1938 годах.

Сто истории о расстрелянных в Свердловске в эпоху Большого террора и захороненных на 12-м километре Московского тракта музейные работники собрали и обработали за год. Родственники репрессированных рассказали о самом аресте и о судьбах своих семей после этого. Главная особенность книги — интервью с родственниками репрессированных, значительная часть которых проживала именно в Екатеринбурге. Важным было обратить внимание на то, что люди чувствовали и думали, что именно им запомнилось и как они к этому относятся.

В книге рассказано как об обычных свердловчанках, так и о знаковых фигурах Свердловска. Предполагается, что издание станет неким справочником по Мемориалу на 12-м километре, позволяющим взглянуть на него более осмысленно. Кампания по сбору денег продлится с 29 марта по 5 мая: участники получат книги, а также возможность опубликовать историю своей семьи в следующем томе сборника.

Ксения КУЗНЕЦОВА

КНИЖНЫЕ ГОНКИ

«Областная газета» раз в месяц анализирует рейтинг продаж книжных магазинов, чтобы понять, какие произведения пользуются наибольшим спросом у свердловчан. В третьем выпуске спецпроекта мы решили посмотреть, как меняется (и не меняется ли) спрос на поэзию.

Для кого сегодня поэзия?

Ксения КУЗНЕЦОВА

В третьем выпуске мы решили узнать, есть ли спрос на поэзию. Особенно символично говорить об этом в марте, ведь совсем недавно (21 марта) прошёл Всемирный день поэзии.

На этот раз мы взяли за основу данные свердловской сети «Живое слово», одного из самых популярных местных книжных магазинов — «Дом книги». И ради эксперимента — рейтинг издательства «Эксмо» по Екатеринбургу. Так как издательства продвигают только те книги, которые, на их взгляд, будут интересны читателю, то нам стало интересно увидеть их топ продаж.

Да, наша страна до сих пор хранит в памяти времена, когда **Владимир Маяковский**, **Сергей Есенин** публично читали стихи, шестидесятники собирали стадионы. Да, люди и сегодня не прочь собраться у памятника или на квартире, чтобы почитать стихи. Но сейчас это выглядит как что-то закрытое и личное, а не так, чтобы широко, чтобы на всю страну.

ПОЭЗИЯ ДЛЯ ВСЕХ. Оценка рейтингов показывает, что, во-первых, у читателей наблюдается интерес как к современной, так и к классической поэзии. Во-вторых, его интересуют люди разных возрастов, что видно по топ-10. Лидирующие позиции занимают поэты интересные и молодёжи (**Ах Астахова**, **Вера Полозкова**), и взрослой аудитории (**Андрей Дементьев**, **Лариса Рубальская**).

— Интерес к поэзии у наших покупателей всегда остаётся на достаточно высоком уровне, и процент продаваемых книг из этого раздела литературы стабильно высок, — сказала руководитель информа-

	«ЖИВОЕ СЛОВО»	«ДОМ КНИГИ»	ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»
1	Евгений Евушенко	Сергей Есенин	Ах Астахова
2	Андрей Дементьев	Эдуард Асадов	Эльдар Рязанов
3	Лариса Рубальская	Омар Хайям	Александр Твардовский
4	Белла Ахмадулина	Марина Цветаева	Михаил Лермонтов
5	Иосиф Бродский	Александр Пушкин	Роберт Рождественский
6	Эдуард Асадов	Андрей Дементьев	Евгений Евушенко
7	Сергей Есенин	Лариса Рубальская	Лариса Рубальская
8	Владимир Филоцкий	Леонид Филатов	Владимир Маяковский
9	Афанасий Фет	Иосиф Бродский	Эдуард Асадов
10	Марина Цветаева	Владимир Высоцкий	Николай Заболоцкий

ционно-справочной службы «Дом книги» **Галина Карачунская**.
Даже городское пространство заполняется поэтическими арт-объектами. Так, у Ельцин Центра появился «Литературный таксофон» — телефонная будка, в которой знаменитые писатели и поэты отвечают на вопросы горожан. Позвонить можно как русским классикам — **Пушкину** и **Достоевскому**, так и современным авторам, например, екатеринбургскому поэту **Науму Блеку**. Поэты будто бы снова выходят из андеграунда.

— Знаете, пять лет назад у нас был застой и поэзия вообще не продавалась, — комментирует рейтинг продавец-консультант по сети «Живое слово» **Вера Еринова**. — На данный момент вернулась активная продажа поэзии. Я связываю это с психологией, видимо, сейчас люди снова устали и им хочется посидеть в тишине, отстраниться от жизненной суеты, беготни, возвратиться к хорошей классической литературе. Вот из рейтинга самым популярным классическим автором у нас выступает **Афанасий Фет**. Хорошо расходятся тот же **Эльдар Рязанов**.

Выявляется интересная тенденция, что поэзия доносится через рэп, баттлы. Обращается к творчеству того же **Оккупитron'a**, который упоминал в своих текстах и **Николая Гумилёва**. Или творче-

ство **Иосифа Бродского**, попавшего в два рейтинга продаж, или **Владимира Высоцкого** не раз использовались в музыкальных композициях. А то, что в рейтингах лидирующие позиции занимает Ах Астахова и **Эдуард Асадов**, говорит о большой моде стихов под музыку.

ПОЭЗИЯ НЕ ДЛЯ ВСЕХ. Но с этим согласны не все.
— Поэзия — это всегда искусство немногих. Если говорить о настоящей поэзии, то она всегда касается малого круга лиц, — объясняет поэт, литературовед **Константин Комаров**. — И к ней совершенно не имеет никакого отношения подделка под неё — как творчество Веры Полозковой. Понятно, что сейчас непростые для поэзии времена, но и сказать, что она в заgone, нельзя, потому что она всегда есть. А шестидесятники скорее исключение. Ведь **Александр Пушкин**, **Николай Некрасов** стадионы не собирали. Поэзия и не должна их собирать. Ей достаточно 5–6 заинтересованных человек, которые сами к ней пришли.

— Представленные топы свидетельствуют о том, что вкусы у массового читателя за долгие годы практически не меняются: **Евушенко**, **Асадов**, **Есенин**, — прокомментировала рейтинги литературный критик, доктор филологических наук **Юлия Подлубнова**. — Связано это с тем,

что серьёзная современная поэзия практически не доходит до широкого читателя, нет налаженных каналов коммуникации. **Ах Астахова** в одном из списков — настоящий прорыв, впрочем, никак не связанный с качеством поэтического текста — лишь со степенью раскрученности этой гастролирующей девушки. Бродский в двух топах радует и огорчает одновременно. Огорчает то, что Бродского ныне явно упрощают, делают из него народного поэта, как бы понятного и приятного каждому (что в своё время произошло с Есениным и Цветаевой, вообще-то очень непростыми поэтами-модернистами).

Иза-за этого у поэтов формируется своё гетто, которое не интересует тех, кто происходит вокруг. Да, есть журнал «Воздух», тот же «Урал», выходят сборники стихов и в НЛО, и в «Новом издательстве», но печатаются они небольшими тиражами.

Такой барьер пытается преодолеть книжный магазин «Питровский». На его прилавках лежат сборники стихов **Романа Тагунова**, а также журнал «Урал». А вот поэт **Константин Комаров** с прозаиком и литературным критиком **Романом Сенчиным** считают, что пора вернуть поэта, который будет выходить на улицу и читать стихи, не сидя в своей башне из слоновой кости.

ЧИТАЕМ С ПРИСТРАСТИЕМ

Время достать классика из шкафа

Ирина КЛЕПИКОВА

В год 60-летия «Урала», единственного в регионе толстого литературного журнала, «ОГ» представляет его, читая вместе с молодыми авторами. Мартовский номер читаем с поэтом, художником, дизайнером книги **Сергеем ИВКИНЫМ**.

— Сергей, помните несколько лет назад, на проекте «ОГ», посвящённом Всемирному дню поэзии, мы читали стихи. В трамвае. Вместе в пассажирах... Уверена: вы не обидите вниманием поэзию мартовского номера. Что, действительно, поэзия, а что, и коллег не задолго?

— В мартовском номере (видимо, в честь Дня поэзии) представили шесть (!) поэтов. Открыл журнал подборка мэтра уральской литературы — **Аркадия Застыра**. Ему удаётся виртуозно балансировать на грани нежнейших оттенков чувств и жесточайшего сарказма. Его почитатели и последователи (а в их числе) настолько привыкают к такому видению мира и говорению, что для непосвящённого читателя выглядят кощунствующими эстетам. А это не поэзия, мы так у Аркадия Валерьевича учились. А учитель всё поднимает и поднимает градус изощрённости.

Я ходил по Дворцу пионеров, наслаждаясь его чистотой, и молится — долгой маловерой! — Галерею гербов святых.

Впрочем, недостижимую вершину речевой изысканности много лет на Урале удерживает **Юлия Кокошко**. Её путями следовать невозможно. Чтение этих стихов — практические уроки ходьбы по воздуху. Иногда удаётся оторваться на несколько сантиметров от земли и повисеть так минут десять. А Юлия Михайловна — летает.

...важное ложе застлано пенной лазурью, и пушцы надутые утят, ни одного — гадкого. Ожидание, безмятежное качание, бриз...

ЗНАКОМЬТЕСЬ...**Сергей ИВКИН**

● Родился в 1979 г. в Екатеринбурге. Окончил РГПУ.
● Автор восьми книг стихотворений.
● Иллюстратор, редактор журнала поэзии «Пауки-человек».
● Ведущий фестивалей авторской песни «Свезар» и «Август».
● Член Союза писателей России.

Практически антитезой к этим поэтам стоит подборка **Аллы Поспеловой**. Её речь предельно проста, но за ней — волевой жест, нелёгкий нравственный выбор, духовный подвиг. Мне посчастливилось в 17 лет попасть на семинары к Алле Николаевне: она учила ответственности за слово и ритмической акцентуации текста, порой с нарушением привычного музыкального. Естественно, Алла Поспелова продолжала традиции акмеизма, но с большим вниманием к гражданской поэзии. Скоро у неё в Москве выходит книга «Цветы и песни», оформленная в духе меамериканской культуры. Кровь и солнце — на мой взгляд, главные для неё образы.

В деревне у бабушки подпол, там держат картошку, и ближе к весне почти вся она вмиг прорастает такими белесыми пальцами хиленьких веток, которые рвется к теплу и невидному свету... И их обречённость всегда меня в детстве пугала... В бараках так часто зачем-то рождаются дети.

Детский отглед также представляет отличного поэта — **Инну Домрачеву**. Если говорить о преемственности, то у **Сангара**, **Маршака** и **Чуковского** появилась явная наследница. В стихотворении про традиционных Рыцаря, Принцессу и Дракона автор «выворачивает» сюжет, представляя Дракона... домашним любимцем Принцессы.

— Редкий случай: в номере два романа. Оба из разряда нон-фикшен, в основе писательской фантазии — реальные люди и факты. **Александр Кердан** в «Романе с фамилией» оттолкнулся именно от своей фамилии, имеющей, как оказалось, глубокую и экзотическую историю, а у **Сергея Петрова** герой романа-версии «Бакунин. Агент влияния» — известный исторический персонаж. В подобных случаях всегда можно спорить «было — не было так в истории»...

— Однажды я написал дюпониизм (философское одностопное) «Истории нет — есть история». Мы представляем события по чужим воспоминаниям, оперируем притчами. Можно пойти по пути игрока в бисер и, изучив эпоху, поместить себя в неё, а можно собрать сведения и подумать: а что за века изменилось? Александр Кердан встал в позу магистра Иозефа Кнехта и написал академическую шутку о «лишнем человеке» в классическом Риме, поместив современного наблюдателя (себя) в иную ментальность. А вот Сергей Петров, напротив, вытаскил покрытую пылью персонажа и сделал с ним то, что **Владимир Набоков** совершил в романе «Дар» с **Чернышевским**: перелбал биографию с новых ракурсов. **Михаил Бакунин**, чьё имя взял себе для псевдонима популярный беллетрист (**Б. Акунин**), в подходе Сергея Петрова становится нашим современником, в нём проступают черты лидера группы «Война» — **Олега Вороникова**. Личная харизма, манипуляция близкими, вымогание денег и воляная жизнь на гребне исторических событий. Появляется ощущение, что именно сейчас и притически история, раз такие люди занимают сёрфингом на её волнах. Обе истории написаны о заигрывании с властью. Но у Александра Кердана, на мой взгляд, — культовый балаган, а у Сергея Петрова — посещение спецхрана.

— В разделе «Критика и библиография» с любопытством прочитала заметки

Алексея Коровашко «Сомнительный Макар, или Не всё то классика, что Чудра». Не всем всё согласилась бы с автором — уж больно экзиден он в отношении составителей школьных программ по литературе, а ещё больше достается самому Горькому за его рассказ «Макар Чудра». Но вот же парадокс: сарказм Коровашко заставляет о рассказе думать — об истории создания, стилистических огрехах, отзвучах философии Ницше. А «думать» — правильно: нынешний юбилей Горького позволяет заново и глубже вчитаться в его произведения.

— Юбилей — время доставать писателя из шкафа. Коровашко совершил провокацию, но провокация педагогическая. Максим Горький — писатель до сих пор современный, но для школы по педагогическим меркам не подходящий. Видимо, и раньше не подходил, потому в программе стоял лишь для галочки проходное произведение, из которого выдернута раскрученная цитата. На днях я встретился с преподавателем УрФУ **Андреем Якубовским**, и он поделился, что его студенты не читают учебники по программам, а предпочитают видеоуроки. Так мы получаем человека «умелого, но не умного». То же самое и с литературой: роман, повесть, рассказ не прочтываются — проходятся конспекты, наборы тегов и мемов, привязанные к персонам оперируемой культуры. Но пришло время не погружаться в прошлое, а вытаскивать исторические личности в современность, их глазами смотреть на то, что происходит сейчас. **Салтыков-Щедрин** — абсолютно современен. Как вчера написано. И Максим Горький больше нам может рассказать про наше время, чем про революционную Россию. Человек меняется, общество меняется, а художник — такой же: видит, что не положено, и говорит о чём не принято. Этим и ценен для думающего читателя, затрагивая темы, лежащие порою за границей каждогодневного внимания.